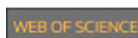

Фарафонова О. А. Варианты лиминальной сюжетной ситуации в русских мемуарных текстах XVIII века / О. А. Фарафонова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 281—295. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-281-295.

Farafonova, O. A. (2020). Variants of Liminal Plot Situation in Russian Memoir Texts of 18th Century. *Nauchnyi dialog*, 11: 281-295. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-281-295. (In Russ.).

УДК 82-312.6+82-94+821.161.1“17”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-281-295

ВАРИАНТЫ ЛИМИНАЛЬНОЙ СЮЖЕТНОЙ СИТУАЦИИ В РУССКИХ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТАХ XVIII ВЕКА

© **Фарафонова Оксана Анатольевна (2020)**, orcid.org/0000-0003-4205-6793, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет» (Новосибирск, Россия), oxana.faroks@yandex.ru.

Рассматривается вопрос о возможности изучения мемуарных текстов с точки зрения сюжетосложения. Особое внимание уделяется русской мемуаристике второй половины XVIII века. Выполнен обзор основных научных работ по теме исследования. Представлены результаты сопоставительного анализа автобиографических произведений Н. Б. Долгорукой, И. В. Лопухина, Е. Р. Дашковой, Г. Р. Державина и других мемуаристов. Актуальность исследования обусловлена тем, что оно находится в русле фундаментальной научной проблематики, связанной с вопросами границ документальной и художественной литературы и жанровой идентификацией мемуаров. Новизна представленной работы видится в том, что нехудожественные произведения XVIII века рассматриваются в контексте «мирового археосюжета». Автор подробно останавливается на анализе мемуаров XVIII века с точки зрения вариантов репрезентации его лиминальной фазы. Доказано, что в русских мемуарных текстах второй половины XVIII века «пороговая» сюжетная фаза может быть реализована в таких ситуациях, как болезнь (собственно мемуариста или близкого ему человека) или смерть, свидетелем которой становится автор. Как вариации лиминальной ситуации могут рассматриваться арест, плен и ссылка, во всех этих случаях речь идет о недобровольном оставлении привычного мира.

Ключевые слова: русские мемуары XVIII века; лиминальность; сюжет; сюжетная ситуация.

1. Общие вопросы изучения русских мемуаров XVIII века

Русская мемуаристика XVIII века чаще всего привлекает внимание ученых как источник исторического знания. При этом обращают внимание не только на тематику мемуарных текстов, но и, например, на «социальный портрет» мемуариста, что также дает исследователю возможность глубокой характеристики эпохи, ее культуры и картины мира. Так, говоря об эволюции мемуарного жанра в России XVIII века, А. Г. Тартаковский,

в первую очередь, обращает внимание на сословную принадлежность авторов и тематику мемуарных текстов. Тщательнейшим образом систематизированные в его монографии русские мемуары XVIII — первой половины XIX века описаны прежде всего в историографическом аспекте — с точки зрения «ритма движения русской культуры» [Тартаковский, 1991, с. 27]. Опираясь на исследование мемуарных текстов от эпохи «петровских преобразований» до конца столетия, Тартаковский говорит о том, что подлинный подъем культуры, «который затронул широкий спектр явлений духовной жизни <...> приходится уже на екатерининское время» [Тартаковский, 1991, с. 27—28]. Именно с этим периодом, по справедливому замечанию исследователя, связан мощный рывок в развитии мемуаротворчества в России. Монография Тартаковского интересна и в контексте изучения жанровой природы русских мемуаров XVIII века, поскольку автор подробно останавливается на одном из ключевых жанрообразующих признаков мемуаристики — целеполагании автора воспоминаний. Именно эволюция «изначальных целей мемуаротворчества» [Тартаковский, 1991, с. 76] становится знаком «становления нового типа мемуарно-автобиографических повествований» [Тартаковский, 1991, с. 77] в России XVIII века. То, что именно к началу 80-х годов относятся мемуарные тексты, авторы которых «начинают сознательно относиться к своему труду, задумываться над смыслом и назначением мемуаротворчества», исследователь объясняет пробуждением «исторического самосознания» [Тартаковский, 1991, с. 77], с одной стороны, и ростом самосознания личности, с другой. Последнее обусловлено, прежде всего, сменой эстетической парадигмы — влиянием философских и эстетических установок сентиментализма.

Связь между сменой эстетических парадигм и развитием мемуарного жанра неоднократно отмечалась исследователями. Относительно XVIII века чрезвычайно важным становится переход от классицизма к сентиментализму. Влияние идей последнего на целеполагание мемуаротворчества и на осознание личностью своего права на такого рода высказывание о себе и своем времени несомненно. Но предшествующее сентиментализму классицистическое понимание мира и человека также сыграло важную роль в «процессе жанровой кристаллизации» мемуаров на русской почве [Тартаковский, 1991, с. 69—72].

Эволюция мемуарного жанра в контексте исторического и эстетического развития русской культуры в XVIII веке неоднократно становилась предметом научных изысканий. В этой связи стоит указать, например, работы Г. Г. Елизаветиной [Елизаветина, 1982] и М. Я. Билинкиса [Билинкис, 1995], который, говоря об эволюции мемуарного жанра в XVIII веке, в качестве

точки отсчета избирает соотношение «текст-автор». В последнее время русская мемуаристика XVIII века все более и более привлекает к себе внимание исследователей. Генезис жанра, жанрово-видовое разнообразие мемуарных текстов, фигура автора-мемуариста, соотношение вымышленного с документальным — вот далеко не полный перечень направлений изучения русских мемуаров XVIII века сегодня. Обратим внимание на то, что, много говоря о жанровых признаках и исторической эволюции мемуаров в России, исследователи нечасто обращают внимание на поэтику автобиографических произведений XVIII века. В качестве исключения здесь следует отметить работы А. В. Антюхова [Антюхов, 2003], В. В. Муравьевой [Муравьева, 2004], С. Ю. Антюховой [Антюхова, 2005] и Е. Ю. Приказчиковой [Приказчикова, 2010], в которых мемуарные произведения анализируются с точки зрения соотношения объективного и субъективного начал, образа автора, стилевых особенностей текста, категорий времени и пространства или репрезентации культурных мифов эпохи в мемуарном повествовании.

2. Русская мемуаристика XVIII века и проблема сюжета в художественном тексте

Мемуары традиционно относят «к жанрам документальной литературы» [Местергази, 2007, с. 8], и, как отмечают современные исследователи, проблема художественности таких произведений до сих пор остается одной из «наиболее дискуссионных тем» [Местергази, 2007, с. 9]. Е. Г. Местергази называет мемуары в ряду «первичных» жанров с документальной основой, указывая, что именно подобные «первичные жанры» составляют «некое базовое поле литературы с главенствующим документальным началом» [Местергази, 2007, с. 49]. Проблема художественности мемуаров и, как следствие, вопрос, отнести ли мемуары к жанрам литературы, связаны с тем, что в мемуарном тексте совмещается установка на невымышленность повествования, с одной стороны, и субъективная точка зрения мемуариста на описываемые события, с другой. «Такое сочетание невымышленности и субъективности помещает мемуары между историческим повествованием и беллетристикой» [Фрайман]. Повествовательную структуру мемуарных текстов отличают следующие признаки: «прямое авторское высказывание; позиция рассказчика соответствует позиции автора; анализ действительности равен художественному образу этой действительности; субъективности мировосприятия соответствует предельная субъективность высказывания; употребление подлинных имен; язык — от совершенно “необработанного” до литературного» [Местергази, 2007, с. 49]. В дополнение отметим, что мемуары, без сомнения, являются текстами,

сюжетными по своей природе. Ю. М. Лотман писал, что сюжет «связан с переживанием времени» [Лотман, 2000, с. 276] и является «мощным средством осмысления жизни» [Лотман, 2000, с. 296]. Реконструируя прошлое, выстраивая свое повествование, как правило, линейно, мемуарист организует сюжет своих воспоминаний. Насколько совершенным он будет, зависит от ряда факторов. Первый, и самый главный, — личность самого мемуариста, второй — изначальная цель написания мемуаров.

Поднимая проблему сюжета в документальных, биографических и автодокументальных произведениях, Ю. В. Матвеева справедливо отметила, что «сюжетный анализ документальной прозы <...> может помочь увидеть в текстах, изначально лишенных установки на вымысел, литературу, а не просто перечень фактов, имен и событий» [Матвеева, 2014, с. 4]. Несмотря на то, что работа Матвеевой посвящена мемуаристике «русского зарубежья» начала XX века, высказанные автором тезисы отражают, как нам представляется, и значимые для русской мемуарной литературы XVIII века черты. История становления и развития последней представляет собой эволюцию от «внеличностных» текстов, фиксирующих исключительно «факты, имена и события», к полномасштабным повествованиям, посвященным осмыслению себя и выражающим собственную точку зрения на события, свидетелем или участником которых является автор. Н. П. Матханова справедливо отмечает, что мемуары «непременно субъективны, основаны на личных впечатлениях, создаются с целью закрепления и сохранения личной информации» [Матханова, 2007, с. 201].

Большинство русских мемуаристов XVIII века «писало свои мемуары или автобиографии изолированно друг от друга, не имея возможности ознакомиться с имеющимися произведениями и ориентируясь на косвенные данные об опытах этого рода» [Кулакова, 2015, с. 169]. В связи с этим нам представляется необходимым отметить две важные тенденции становления и развития мемуаристики в XVIII веке в России. С одной стороны, стремление к самоописанию становится все очевиднее и является общим для русской культуры XVIII века как культуры Нового времени, все больше и больше осознающей самоценность человеческой личности. С другой стороны, каждый русский мемуарист сталкивался с проблемой поиска языка / формы самовыражения / самоописания практически в индивидуальном порядке и искал эту форму самостоятельно, ориентируясь на знакомые модели и «косвенные данные». Насколько осознанно и целенаправленно это происходит, зависит от степени образованности и кругозора автора. Безусловно, записки сенатора и виднейшего русского масона И. В. Лопухина и, скажем, майора М. В. Данилова будут существенно различаться

не только стилистикой, но и композиционной проработанностью текста, выдержанностью сюжетной логики развития мемуарного повествования.

3. Мемуары и мировой археосюжет

В статье «Фазы мирового археосюжета как историческое ядро словаря мотивов» В. И. Тюпа показал на примере «Слова о полку Игореве», что в «невывымышленном повествовании» сюжет может развиваться «в точном соответствии с гипотетической моделью виртуального мирового сюжета» [Тюпа, 1996, с. 22]. Пример мемуарных текстов, «невывымышленных» по определению, подтверждает высказанную исследователем гипотезу.

Объясняя, почему именно притча о блудном сыне «оказалась наиболее продуктивной в литературном отношении» по сравнению со всеми другими евангельскими притчами, Тюпа формулирует «четырёхфазную единую динамическую инфраструктуру внешне несхожих сюжетов», которая выглядит следующим образом: фаза обособления — фаза искушения — лиминальная фаза — и фаза преображения [Тюпа, 1996, с. 18]. Указанные исследователем фазы мирового археосюжета «обнаруживаются в основе множества самых разнообразных сюжетных текстов» [Тюпа, 1996, с. 20], к которым, как указано выше, относятся, без сомнения, и мемуары. Разумеется, о полной реализации в текстах документального характера описанной Тюпой сюжетной модели говорить не приходится, но позволим себе высказать предположение, что само по себе решение о написании текста о своей жизни уже может быть расценено как фаза обособления и / или искушения. Это, как нам представляется, определено самой интенцией мемуарного жанра. Мемуарист заведомо осознает и обозначает свое право на собственный, отличный, возможно, от других взгляд, как, например, это делает А. Т. Болотов в предуведомлении к своим воспоминаниям [Болотов, 2018, с. 7—8].

Фаза обособления, по словам Тюпы, может быть выражена как «предыстория или хотя бы достаточно подробная характеристика действующего лица, выделяющая его из общей картины мира» [Тюпа, 1996, с. 18]. Подобное в мемуарных текстах при свойственной этому жанру установке на достоверность встречается довольно часто. Это определяется осознанием автором собственной жизни как исключительного события, которое, безусловно, заслуживает презентации и осмысления с точки зрения его места в ряду других подобных событий. Жизнь «всех» в сравнении со своей собственной становится в каком-то смысле подтверждением этой исключительности. «Я» мемуариста оказывается, с одной стороны, вписано в общий процесс, но, с другой стороны, явно отделено от него. Причем это может выражаться не только в неких исторических зарисовках, но даже и в бытовых частностях. Так, например,

Н. Б. Долгорукая, описывая сборы в ссылку с мужем, фиксирует: «Подумайте, каково мне тогда было видеть: все плачут суетятца, собираютца, и я суечусь, куда еду, не знаю, и где буду жить — не ведаю, только что слезами обливаюсь» [Долгорукая, 1991, с. 266] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников). Соотношение «все — я» здесь весьма показательно для мемуарного жанра в целом. И даже если это соотношение не продемонстрировано напрямую, исключительность, «достойность внимания» автора мемуаров будет выражена иными способами: «Я родилась в 1744 г. в Петербурге. Императрица Елизавета уже вернулась к тому времени из Москвы, где она венчалась на царство. Она держала меня у купели, а моим крестным отцом был великий князь, впоследствии император Петр III» [Дашкова, 1990, с. 68]; «Бывший статс-секретарь при императрице Екатерине Второй, сенатор и коммерц-коллегии президент, потом при императоре Павле член верховного совета и государственный казначей, а при императоре Александре министр юстиции, действительный тайный советник и разных орденов кавалер, Гавриил Романович Державин родился в Казани от благородных родителей. В 1743 г. июля 3 числа» [Державин, 1860, с. 5]. Даже когда А. Т. Болотов пишет, предваряя свои мемуары, что «не тщеславие и не иные какие намерения побудили» его написать «историю его жизни», а только то, что ему было досадно, что предки его были настолько «нерадивы, что не оставили после себя ни малейших письменных о себе известий и чрез то лишили нас, потомков своих, того приятного удовольствия, чтоб иметь об них <...> некоторое небольшое сведение и понятие», он, сравнивая себя с предками, противопоставляет себя им и самоопределяется как человек, который, «не хотя сам сделать подобную их и непростительную погрешность», «рассудил употребить некоторые <...> часы на описание всего» [Болотов, 2018, с. 7], что с ним случилось. То есть он очевидным образом подчеркивает реализацию в своих мемуарах фазы обособления, формулируя при помощи мемуарного текста отличную от предшествующих поколений жизненную позицию.

4. Варианты лиминальной сюжетной ситуации в русских мемуарах XVIII века

Но если фазы обособления и искушения в контексте мемуарного повествования могут быть редуцированы или остаться за его пределами, то лиминальная фаза и фаза преобразования зачастую составляют основу сюжета воспоминаний.

Говоря о мировом археосюжете, В. И. Тюпа пишет о лиминальной фазе следующее: «Она может выступать в архаических формах ритуально-символической смерти героя, может заостряться до смертельного риска

(в частности, до поединка), а может редуцироваться до легкого повреждения или до встречи со смертью в той или иной форме (например, зрелище смерти другого лица или хотя бы получение известия о таковой)» [Тюпа, 1996, с. 19]. Мемуарные тексты дают порой такой богатейший материал, подтверждающий это, какой редко можно увидеть в тексте художественном. Так, например, в «Похождении прапорщика Климова» обнаруживаются все указанные в работе Тюпы варианты лиминальной фазы.

«Воспоминания жизни» и «опыт странствования», которые составляют ядро истории Климова, вполне соответствуют сюжетной схеме притчи о блудном сыне. С одной существенной разницей — он не сам решает покинуть отчий дом (Россию), а волею трагических обстоятельств оказывается почти на 30 лет пленником в Пруссии. Прусский плен, растянувшийся на десятилетия, становится причиной невольного «ухода» Климова от семьи, разрыва всяческих связей с Россией. Европа, бывшая для многих русских дворян XVIII века целью путешествия и местом обретения знания, превращается для автора «Похождения» в «лиминальный (пороговый) хронотоп смертельного испытания» [Тюпа, 2002, с. 28], пребывание в Пруссии описывается почти как пребывание в стране мертвых — такое количество ситуаций со смертельным исходом, свидетелем которых становится автор, там описано. Сам Климов много раз оказывается в ситуации испытания смертью, как, например, после непреднамеренного убийства им прусского вахмистра: «Тут пришел я в великую робость, видя себя подвержена быть штрафу, не зная, что мне на то учинить. Он лежал без дыхания. Я уже думал бежать из Берлина, но куда было можно? <...> То я, напоследок положи себя на власть Всевышнего, пустился на все представляющееся глазам моим несчастье, уповая на Всевышнего. Я оставил его [вахмистра] при камне полумертвого, пошел, не дожидаясь, чтоб кто меня отдал под караул, сам на гауптвахту» [Похождение ..., 2011, с. 53]. Смерть вахмистра и выбор, который делает герой (бежать или сдаться), маркируя смену социальной роли (солдат — преступник), одновременно обозначают кульминационный момент лиминальной фазы его «похождения»: «но вдруг переменялась моя надежда. <...> приходит ко мне мой капитан, сказав: “Вахмистр умер, и велено тебя судить как смертоубийцу”. Тут окостенели во мне все мои жилы. Я упал на нары без чувств» [Похождение ..., 2011, с. 56].

По большому счету вся история, рассказанная Климовым, может быть представлена как развернутая во времени лиминальная ситуация, так как состоит из целой череды испытаний смертью. Начиная с воспоминаний о детстве, когда герой и вся его семья дважды чудесным образом избегают смерти (первый раз — от пожара, второй — от рук разбойников); испытаний смертью

сначала любимой старшей сестры, а затем и матери; пленения героя пруссаками, как ключевого с точки зрения лиминальности события, весь текст представляет собой словно бы затянувшуюся лиминальную фазу. Вереница ситуаций, которые могут быть обозначены как «встреча со смертью», прекращается только после возвращения Климова на родину. Случайная встреча с младшим братом, узнавание друг друга маркируют конец странствиям героя мемуаров, его выход из лиминального пространства, возвращение к жизни: «Он изливал источники слез, ибо они меня давно уже имели в поминание и считали давно умершим. Я ему также от радости соответствовал» [Похождение ..., 2011, с. 163]. Нельзя не отметить совпадение финала «Похождения прапорщика Климова» с финалом притчи о блудном сыне: «Был мертв и ожил, пропадал и нашелся». Причем практически буквально «мертв» как русский солдат, так как «фальшивым предложением при размене показаны <...> были все умершими» [Похождение ..., 2011, с. 43]. Пребывание Климова в прусском плену совершенно эквивалентно в данном случае смерти. Возвращение на родину для автора «Похождения» становится именно воскрешением в своем прежнем статусе, происходит его «второе рождение», которое, как пишет Тюпа, «сопровождается возвращением героя к месту своих прежних, ранее расторгнутых или ослабленных связей, на фоне которых акцентируется его новое жизненное качество» [Тюпа, 1996, с. 19].

Автор «Похождения» возвращается в Россию в возрасте 59 лет, проведя большую часть жизни за границей, которая, несмотря на замечательную способность Климова приспосабливаться к вынужденным обстоятельствам, не становится, тем не менее, для него своим пространством. Учитывая ситуацию плена, это оказывается совершенно невозможно. Пространство, в котором герой мемуаров оказывается не по собственной воле, воспринимается им, как правило, не просто как чужое пространство, но именно как инобытие, как пребывание в мире, где нет и не может быть жизни. Попав в плен или будучи отправленным в ссылку, человек оказывается выхваченным, изгнанным из его обычного бытия. По сути, из жизни вообще. По этой же причине Россия описывается в «Похождении прапорщика Климова» в противоположность Пруссии как земля обетованная, куда он в конечном итоге и совершает пешее паломничество-возвращение через всю Европу.

Пересечение границы между этим (своим) и тем (иным) миром, миром плена, как в случае с Климовым, или ссылки, как, например, в «Записках» Н. Б. Долгорукой, совершается по-разному. Это может произойти внезапно для героя — трагический случай пленения русских солдат по неосмотрительности и беспечности командиров, как это описано у Климова. Или же, напротив, путь в иное, лиминальное, пространство может растянуться на месяцы:

«С апреля по сентябрь были в дороге; всего много было, великие страхи, громы, молнии, ветры чрезвычайные», — так описывает Долгорукая путь в ссылку в Березов [Долгорукая, 1991, с. 278]. Пространство, в котором человек оказывается, преодолев такой тяжелый путь, не может восприниматься иначе как чуждый и враждебный иномир: «С таким великим трудом привезли нас в маленький городок, которой стоит на острове; кругом вода; жители в нем саамы подлой народ, едят рыбу сырую, ездют на собаках, носят оленьи кожи; как с нево сдерут, не разрезавши брюха, так и наденут, передние ноги вместо рукавов. Избы кедровые, окончины леденые вместо стекла. Зимы 10 месяцев или 8, морозы несносные, ничево не родитца, ни хлеба, никакова фрукту, ниже капуста. Леса непроходимые да болоты <...> До таково местечка доехали, что ни пить, ни есть, ни носить нечево <...> Мне казалось, не можно жить в таком дурном месте» [Долгорукая, 1991, с. 278].

Испытание смертью, которое, по словам Тюпы, составляет суть лиминальной фазы, может остаться за пределами текста воспоминаний в том случае, если оно было катастрофичным для мемуариста. Переживание смерти близкого человека в таком случае пронизывает весь текст, но не описываться прямо. В «Своеручных записках» Долгорукой происходит именно так: она пишет свои воспоминания спустя 28 лет после страшной казни мужа, но ни разу об этом ужасном для нее событии не проговаривается, однако финальные слова ее мемуаров отчетливо дают понять, какой катастрофой стала смерть любимого человека. Он был всем, и это все отнято: «Я все в нем имела: и милостивого мужа, и отца, и учителя, и старателя о спасении моем <...> Он фундатор моему благополучию теперешнему» [Долгорукая, 1991, с. 279].

Возвратившись из ссылки, Долгорукая принимает постриг и воспоминания пишет по просьбе старшего своего сына уже под именем Нектарии. Только таким образом оказалось возможным преодоление лиминальной фазы в глобальном смысле. Фаза преобразования, подразумевающая «перемену статуса» [Тюпа, 1996, с. 19], хоть и осталась за пределами повествования «Своеручных записок», но, тем не менее, логично завершила жизненный сюжет Долгорукой.

Как вариант лиминальной ситуации в мемуарном тексте следует рассматривать и болезнь, которая часто самими мемуаристами приравнивается к временной смерти. А. Т. Болотов прямо называет болезнь «порогом» и описывает именно как пограничное состояние между жизнью и смертью: «Несколько недель спустя после нашего приезда принужден я был переходить тот порог, который переступают почти все молодые люди тогдашнего моего возраста и нередко, спотыкаясь, погибают, а именно — слечь и вытерпеть жестокою горячку. <...> Болезнь моя продлилась хотя недолго

<...>, но доводила меня до крайности <...> все почти сомневались о моей жизни и не чаяли мне выздороветь» [Болотов, 2018, с. 267].

Болезнь (своя или близкого автору человека) описывается в автобиографических произведениях довольно часто. Серьезная болезнь, ставящая под угрозу жизнь самого мемуариста, переживается и осмысливается авторами по-разному. Если Болотов, делая акцент на своем состоянии во время болезни, комментирует выздоровление кратко: «Крепость природы и молодость моя преодолели болезнь, или, паче сказать, Богу не угодно было лишить меня жизни» [Болотов, 2018, с. 268], то И. В. Лопухин рассказывает о своем исцелении от болезни в агиографической почти традиции чуда: «Неожиданный перелом болезни оной к совершенному выздоровлению стоит того, чтобы описать его <...> Занемог я в великой пост. <...> в день причастья долго утром пролежал я от болезни в постели. На силу встал. Между тем торопили меня идти к отцу моему <...> Я спешу, а камердинер мой еще и умываться мне не приготовил. Рассердился я до иступления; ругал его, не бил только <...>» [Лопухин, 1990, с. 40—41]. Ужаснувшись всей «мерзости своего поступка», Лопухин «бросился в ноги» своему камердинеру: «Тут мне сказали, что священник пришел с дарами, — пишет Лопухин далее. — Я пошел в слезах ж причащаться, — и — причастился подлинно. Проводя священника лег я отдохнуть. Уснул с час, и проснувшись почувствовал в теле моем такую теплоту здоровья, какой медики уже для меня в природе не предполагали. Словом: я проснулся здоров. <...> я совершенно выздоровел от болезни смертельной <...> Поют “дивен Бог в святых своих” — но ежели можно осмелиться сказать, то он еще дивнее в грешниках» [Лопухин, 1990, с. 40—41]. Выздоровление описывается Лопухиным как исцеление не столько физическое, сколько духовное, выздоровление в таком случае приравнивается к воскрешению, связанному с ощущением собственного преображения.

Отметим, что «Записки» Лопухина, конечно, отличаются от большинства мемуарных произведений XVIII века, прежде всего своей композиционной продуманностью и «ярко выраженной основной идеей». Как отмечают исследователи, «литературная деятельность Лопухина — это, скорее, проповедничество» [Драгайкина, 2009, с. 159]. Добавим, что Лопухин — один из немногих мемуаристов XVIII века, писавший с расчетом на публикацию, то есть относившийся к своему тексту не как к запискам для собственных потомков, но для потомков в глобальном смысле слова. Т. А. Драгайкина, говоря о специфике мемуарного повествования Лопухина, подметила: «Считая дидактическую функцию литературы важнейшей, мемуарист предполагает, что наиболее эффективно воздействуют на читателя примеры добродетельного поведения, взятые из современной по-

вседневной жизни» [Драгайкина, 2009, с. 168], он стремится подчеркнуть, что «и в обычной жизни возможны высокая добродетель и нравственный подвиг, для которых не обязательны исключительные условия. <...> Автор в “Записках” <...> предстает в образе “духовного рыцаря”» [Там же]. Изображение собственной болезни как испытания, преодоление которого возможно только через искупительное раскаяние, очевидным образом укладывается в идейный замысел «Записок» Лопухина.

Важно отметить, что, поскольку мемуариста, как правило, отделяет от описываемых событий значительная временная дистанция, осмысление болезни как встречи со смертью и выздоровления как чудесного избавления совершенно не зависит от того, сколько лет было автору, когда он ее пережил, помнит он эту болезнь сам или только со слов своих близких. Так, например, И. М. Долгоруков пишет о перенесенной им в младенческом практически возрасте оспе: «Марта 26-го, сестра моя занемогла оспой; от неё пристала оспа и ко мне с такой силою, что я оглох, ослеп и онемел. Тогда еще не умели прививать сей заразы и смягчать её жестокость. Все лицо мое покрылось корою, и в таком положении оставалось только ожидать смерти. Бог сохранил живот мой, да повем здесь дела Господня. Его великим промыслом натура открыла вспомогательные свои средства, и болезнь уступила её силам. Тут явно совершилось надо мною чудотворение от иконы Смоленской Божией Матери, что в Донском Монастыре, над царскими воротами; когда родители мои, болезнью моей огорченные, с теплою верою прибегнув к Богу, подняли икону к себе в дом и меня к одной приложили — то вдруг получил употребление всех моих умерших чувств: стал видеть и слышать» [Долгоруков, 2004, с. 20].

Лиминальность предполагает временное лишение статуса (добровольное или принудительное). Возвращение в свой привычный статус, к привычной жизни, к жизни в принципе осознается именно как воскресение. Преображение в данном случае подразумевается прежде всего духовное. Переживший лиминальное состояние герой-мемуарист часто фиксирует, что что-то понял / осознал. Вновь обретенное понимается как истинное, желанное, единственно возможное, подлинное.

Основные варианты лиминальной ситуации в русских мемуарных текстах XVIII века можно обозначить следующим образом: прямое столкновение со смертью (смерть близкого человека, свидетелем которой является автор мемуаров, сам мемуарист становится причиной чьей-либо смерти); тяжелая болезнь кого-то из близких или собственная тяжелая болезнь, которая ставит мемуариста на грань жизни и смерти (в последнем случае всегда имеет место преодоление «порога», выздоровление осмысливается

как воскрешение). Как вариации лиминальной ситуации могут рассматриваться арест, плен и ссылка. Во всех этих случаях речь идет о недобровольном оставлении привычного мира, зачастую связанном с угрозой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антохов А. В.* Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в.: Генезис, жанрово-видовое многообразие, поэтика : дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Антохов. — Брянск, 2003. — 451 с.
2. *Антохова С. Ю.* Поэтика комического русской провинциальной мемуарно-автобиографической прозы второй половины XVIII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Ю. Антохова. — Орел, 2005. — 22 с.
3. *Билинкис М. Я.* Русская проза XVIII века : док. жанры. Повесть. Роман / М. Я. Билинкис. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1995. — 104 с.
4. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков: в 3 т. Т. 1: 1738—1759 гг. / А. Т. Болотов. — Москва : Книжный Клуб Книговек, 2018. — 464 с.
5. *Данилов М. В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722—1762) / М. В. Данилов // Безвременье и временщики : воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). — Ленинград : Худож. лит., 1991. — С. 281—350.
6. *Дашкова Е. Р.* Записки / Е. Р. Дашкова // Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX века. — Москва : Современник, 1990. — С. 67—280.
7. *Державин Г. Р.* Записки Гавриила Романовича Державина. 1743—1812. — Москва : Типография Александра Семена, 1860. — 502 с.
8. *Долгорукая Н. Б.* Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева / Н. Б. Долгорукая // Безвременье и временщики : воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). — Ленинград : Худож. лит., 1991. — С. 255—280.
9. *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... Т. 1 / И. М. Долгоруков. — Санкт-Петербург : Наука, 2004. — 816 с.
10. *Драгайкина Т. А.* Повествовательные стратегии «Записок...» И. В. Лопухина / Т. А. Драгайкина // Нарративные традиции славянских литератур. Повествовательные формы Средневековья и Нового времени. — Новосибирск : Ин-т СО РАН, 2009. — С. 156—169.
11. *Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров / Г. Г. Елизаветина // Русский и западно-европейский классицизм. Проза. — Москва : Наука, 1982. — С. 235—263.
12. *Кулакова И. П.* История субъективности и становление российских традиций автобиографического письма / И. П. Кулакова // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. — 2015. — № 4. — С. 164—172.
13. *Лопухин И. В.* Записки сенатора И. В. Лопухина / И. В. Лопухин. — Москва : Наука, 1990. — 224 с.
14. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман // Семиосфера. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2000. — С. 150—391.
15. *Матвеева Ю. В.* Проблема сюжета в документальной, биографической и автобиографической прозе / Ю. В. Матвеева // Сюжетология и сюжетография. — 2014. — № 2. — С. 3—10.

16. *Матханова Н. П.* Авторы сибирских мемуаров XIX века / Н. П. Матханова // Нарративные традиции славянских культур (Средневековье и Новое время). — Новосибирск : Ин-т филологии СО РАН, 2007. — С. 200—208.

17. *Местергази Е. Г.* Литература нон-фикшн / non-fiction : экспериментальная энциклопедия : русская версия. — Москва : Совпадение, 2007. — 327 с.

18. *Муравьева В. В.* Традиции русской агиографии в мемуаристике XVIII в. : дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 2004. — 202 с.

19. *Похождение прапорщика Климова : (Мемуары XVIII века) / подгот. текста и коммент. Е. Д. Кукушкиной.* — Санкт-Петербург : Пушкинский дом, 2011. — 264 с.

20. *Приказчикова Е. Е.* Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе Русского просвещения : диссертация ... доктора филологических наук / Е. Е. Приказчикова. — Екатеринбург, 2010. — 629 с.

21. *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. — Москва : Наука, 1991. — 288 с.

22. *Тюпа В. И.* Фазы мирового археосюжета как историческое ядро словаря мотивов / В. И. Тюпа // От сюжета к мотиву : сборник научных трудов. — Новосибирск : Ин-т филологии СО РАН, 1996. — С. 16—23.

23. *Тюпа В. И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском» тексте русской литературы / В. И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. — 2002. — № 1. — С. 27—35.

24. *Фрайман И.* Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы [Электронный ресурс] / И. Фрайман. — Режим доступа : <https://www.ruthenia.ru/document/422973.html> (дата обращения 12.08.2020).

VARIANTS OF LIMINAL PLOT SITUATION IN RUSSIAN MEMOIR TEXTS OF 18TH CENTURY

© **Oksana A. Farafonova (2020)**, orcid.org/0000-0003-4205-6793, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia), oxana.faroks@yandex.ru.

The question of the possibility of studying memoir texts from the point of view of plot composition is considered. Particular attention is paid to Russian memoiristics of the second half of the 18th century. A review of the main scientific works on the research topic is carried out. The results of a comparative analysis of autobiographical works by N. B. Dolgorukaya, I. V. Lopukhin, E. R. Dashkova, G. R. Derzhavin and other memoirists are presented in the article. The relevance of the study is due to the fact that it is in the mainstream of fundamental scientific problems related to the issues of the boundaries of documentary and fictional literature and genre identification of memoirs. The novelty of the presented work is in the fact that non-fiction works of the 18th century are considered in the context of the “world archaeological plot”. The author dwells in detail on the analysis of the memoirs of the 18th century from the point of view of the options for representing its liminal phase. It has been proved that in Russian memoir texts of the second half of the 18th century, the “threshold” plot phase can be realized in situations such as illness (of a memoirist or a person close to him) or death, which the author witnesses. Arrest, captivity and exile can be considered as variations of the liminal situation; in all these cases, we are talking about involuntary abandonment of the familiar world.

Key words: Russian memoirs of the 18th century; liminality; plot; plot situation.

REFERENCES

- Antyukhov, A. V. (2003). *Russkaya memuarно-avtobiograficheskaya literatura XVIII v.: Genesis, zhanrovo-vidovoe mnogoobrazie, poetika: Doct. Diss.* [Russian memoir and autobiographical literature of the 18th century. Genesis, genre and species diversity, poetics, Doct. Diss.]. Bryansk. 451 p. (In Russ.).
- Antyukhova, S. Yu. (2005). *Poetika komicheskogo russkoy provintsialnoy memuarно-avtobiograficheskoy prozy vtoroy poloviny XVIII veka: author's abstract of PhD Diss.* [Poetics of the comic Russian provincial memoir and autobiographical prose of second half of the 18th century, author's abstract of PhD Diss.]. Orel. 22 p. (In Russ.).
- Bilinkis, M. Ya. (1995). *Russkaya proza XVIII veka: dok. zhanry. Povest'. Roman* [Russian prose of the 18th century. Documentary genres. The story. Novel]. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGU. 104 p. (In Russ.).
- Bolotov, A. T. (2018). *Zhizn' i prikluycheniya Andreya Bolotova, opisannye im samim dlya svoikh potomkov. 1738—1759 gg.* [Zhizn' i prikluycheniya Andreya Bolotova, opisannye im samim dlya of their descendants (1738—1759)]. Moskva: Knizhnyy Klub Knigovek. 3/1. 464 p. (In Russ.).
- Danilov, M. V. (2009). *Zapiski Mikhaila Vasilievicha Danilova, artillerii mayora, napisannye im v 1771 godu* [Notes of Mikhail Vasilyevich Danilov, artillery major, written by him in 1771]. In: *Bezvremeniye i vremenshchiki: vospominaniya ob «epokhe dvortsovykh perevorotov» (1720—1760-e)* [Timelessness and temporary workers: memories of the “era of palace coups” (1720—1760s)]. Leningrad: Khudozh. lit. 281—350. (In Russ.).
- Dashkova, E. R. (1990). *Zapiski* [Notes]. In: *Zapiski i vospominaniya russkikh zhenshchin XVIII—pervoy poloviny XIX veka* [Notes and memoirs of Russian women of the 18th — first half of the 19th century]. Moskva: Sovremennik. 67—280. (In Russ.).
- Derzhavin, G. R. (1860). *Zapiski Gavriila Romanovicha Derzhavina. 1743—1812* [Notes of Gavriila Romanovich Derzhavin. 1743—1812]. Moskva: Tipografiya Aleksandra Semena. 502 p. (In Russ.).
- Dolgorukaya, N. B. (1991). *Svoyeruchnyye zapiski knyagini Natalii Borisovny Dolgorukoy, docheri g. feldmarshala grafa Borisa Petrovicha Sheremeteva* [Handwritten notes of Princess Natalia Borisovna Dolgorukaya, daughter of Mr. Field Marshal Count Boris Petrovich Sheremetev]. In: *Bezvremeniye i vremenshchiki: vospominaniya ob «epokhe dvortsovykh perevorotov» (1720-e — 1760-e gody)* [Timelessness and temporary workers: memories of the “era of palace coups” (1720—1760s)]. Leningrad: Khudozh. lit. 255—280. (In Russ.).
- Dolgorukov, I. M. (2004). *Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsej zhizni* [The story of my birth, origin and all my life]. Sankt-Peterburg: Nauka. 1. 816 p. (In Russ.).
- Dragaykina, T. A. (2009). *Povestvovatelnyye strategii «Zapisok...» I. V. Lopukhina* [Narrative strategies of “Notes ...” I. V. Lopukhin]. In: *Narrativnyye traditsii slavyanskikh literatur. Povestvovatelnyye formy Srednevekovyaya i Novogo vremeni* [Narrative traditions of Slavic literatures. Narrative forms of the Middle Ages and modern times]. Novosibirsk: In-t SO RAN. 156—169. (In Russ.).
- Elizavetina, G. G. (1982). *Stanovlenie zhanrov avtobiografii i memuarov* [Formation of genres of autobiography and memoirs]. In: *Russkiy i zapadno-evropeyskiy klassitsizm.*

- Proza* [Russian and Western European classicism. Prose]. Moskva: Nauka. 235—263. (In Russ.).
- Frayman, I. *Russkie memuary v istoriko-tipologicheskom osveshchenii: k postanovke problemy* [Russian Memoirs in Historical and Typological Coverage: Towards a Problem Statement]. Available at: <https://www.ruthenia.ru/document/422973.html> (accessed 12.08.2020). (In Russ.).
- Kukushkina, E. D. (ed.). (2011). *Pokhozhdenie praporshchika Klimova: (Memuary XVIII veka)* [The adventure of warrant officer Klimov: (Memoirs of the 18th century)]. Sankt-Peterburg: Pushkinskiy dom. 264 p. (In Russ.).
- Kulakova, I. P. (2015). Istoriya subyektivnosti i stanovlenie rossiyskikh traditsiy avtobiograficheskogo pis'ma [History of subjectivity and formation of the russian traditions of the autobiographical texts]. *Rus', Rossiya. Srednevekovyye i Novoye vremya* [Rus', Russia. Middle Ages and Modern Times], 4: 164—172. (In Russ.).
- Lopukhin, I. V. (1990). *Zapiski senatora I. V. Lopukhina* [Notes of Senator I. V. Lopukhin]. Moskva: Nauka. 224 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2000). Vnutri myslyashchikh mirov [Inside thinking worlds]. In: *Semiosfera* [Semiosphere]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB. 150—391. (In Russ.).
- Matkhanova, N. P. (2007). Avtory sibirskikh memuarov XIX veka [Authors of Siberian memoirs of the 19th century]. In: *Narrativnye traditsii slavyanskikh kultur (Srednevekovyye i Novoye vremya)* [Narrative traditions of Slavic cultures (Middle Ages and Modern times)]. Novosibirsk: In-t filologii SO RAN. 200—208. (In Russ.).
- Matveeva, Yu. V. (2014). Problema syuzheta v dokumentalnoy, biograficheskoy i avtodokumentalnoy proze [The problem of plot in documentary, biographical and auto-documentary prose]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Plotology and plotography], 2: 3—10. (In Russ.).
- Mestergazi, E. G. (2007). *Literatura non-fikshn / non-fiction: eksperimentalnaya entsiklopediya: russkaya versiya* [Literature non-fiction / non-fiction: experimental encyclopedia. Russian version]. Moskva: Sovpadenie. 327 p. (In Russ.).
- Murav'eva, V. V. (2004). *Traditsii russkoy agiografii v memuaristike XVIII v. PhD Diss.* [Traditions of Russian hagiography in memoiristics 18th century, PhD Diss.]. Moskva. 202 p. (In Russ.).
- Prikazchikova, E. E. (2010). *Kulturnye mify i utopii v memuarno-epistol'yarnoy literature Russkogo prosveshcheniya: Doct. Diss.* [Cultural myths and utopias in the memoir and epistolary literature of the Russian education. Doct. Diss.]. Yekaterinburg. 629 p. (In Russ.).
- Tartakovskiy, A. G. (1991). *Russkaya memuaristika XVIII — pervoy poloviny XIX v.* [Russian memoiristics of the 18th — first half of the 19th century]. Moskva: Nauka. 288 p. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (1996). Fazy mirovogo arkeosyuzheta kak istoricheskoe yadro slovarya motivov [Phases of the world archaeological plot as the historical core of the vocabulary of motives]. In: *Ot syuzheta k motivu: sbornik nauchnykh trudov* [From plot to motive: collection of scientific papers]. Novosibirsk: In-t filologii SO RAN. 16—23. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2002). Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom» tekste russkoy literatury [Mythologeme of Siberia: on the issue of “Siberian” text of Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 1: 27—35. (In Russ.).